

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ ЖОҒАРЫ БІЛІМ МИНИСТРЛІГІ

«Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ» КЕАҚ

**Студенттер мен жас ғалымдардың
«GYLYM JÁNE BILIM - 2024»
XIX Халықаралық ғылыми конференциясының
БАЯНДАМАЛАР ЖИНАҒЫ**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
XIX Международной научной конференции
студентов и молодых ученых
«GYLYM JÁNE BILIM - 2024»**

**PROCEEDINGS
of the XIX International Scientific Conference
for students and young scholars
«GYLYM JÁNE BILIM - 2024»**

**2024
Астана**

УДК 001

ББК 72

G99

«GYLYM JÁNE BILIM – 2024» студенттер мен жас ғалымдардың XIX Халықаралық ғылыми конференциясы = XIX Международная научная конференция студентов и молодых ученых «GYLYM JÁNE BILIM – 2024» = The XIX International Scientific Conference for students and young scholars «GYLYM JÁNE BILIM – 2024». – Астана: – 7478 б. - қазақша, орысша, ағылшынша.

ISBN 978-601-7697-07-5

Жинаққа студенттердің, магистранттардың, докторанттардың және жас ғалымдардың жаратылыстану-техникалық және гуманитарлық ғылымдардың өзекті мәселелері бойынша баяндамалары енгізілген.

The proceedings are the papers of students, undergraduates, doctoral students and young researchers on topical issues of natural and technical sciences and humanities.

В сборник вошли доклады студентов, магистрантов, докторантов и молодых ученых по актуальным вопросам естественно-технических и гуманитарных наук.

УДК 001

ББК 72

G99

ISBN 978-601-7697-07-5

**©Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия
ұлттық университеті, 2024**

Рассматривая научные взгляды Антиоха Кантемира и Михаила Ломоносова в контексте Российского Просвещения XVIII века, можно выделить ряд ключевых идей и выводов. Оба философа, каждый в своем уникальном контексте, сделали значительные вклады в развитие науки, образования и культуры России. А. Кантемир, интегрировавший западные идеи в свои труды, подчеркивал ценность рационального мышления и научного метода. Его стремление к расширению знаний и образованию, с учетом восточных мотивов, оставило след в развитии философии и литературы, подчеркивая важность синтеза культурных традиций. Ломоносов, создавший основы для российской науки и образования, акцентировал внимание на практическом применении научных знаний. Он стал символом европейского Просвещения в России, основав первый российский университет и сделав вклад в различные области естественных наук.

В контексте постоянного взаимодействия с глобальными научными течениями, дальнейшие исследования также могут пролить свет на влияние российских ученых XVIII века на развитие мировой науки и образования.

Список использованных источников

1. Коковин. Русское Просвещение как источник формирования национальной философии. Идеи и идеалы. 13, нет. 2–1, стр. 213–236, июнь 2021 г., номер doi: 10.17212/2075-0862-2021-13.2.1-213-236.
2. Антиох Кантемир – защитника просвещенного абсолютизма <https://lit.ukrtvory.ru/antiox-kantemir-zashhitnika-prosveshhennogo-absolyutizma/>
3. Поэтика жанра сатиры в творчестве Кантемира - генезис, поэтика, идеология, жанровая установка, особенности словоупотребления, типология образности и мирообразования https://myfilology.ru/russian_literature/russkaya-literatura-xviii-veka/poetika-zhanra-satiry-v-tvorchestve-kantemira-genezis-poetika-ideologiya-zhanrovaia-ustanovka-osobennosti-slovoupotrebleniia-tipologiya-obraznosti-i-miroobrazovaniia/
4. «ПОЭТ, МЫСЛИТЕЛЬ, ДИПЛОМАТ»: ВИДЕОЛЕКТОРИЙ В ПРЕЗИДЕНТСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ ПОСВЯТИЛИ АНТИОХУ КАНТЕМИРУ <https://www.prilib.ru/news/1909730>
5. Николаев Николай Ипполитович, Шестакова Елена Юрьевна С кем спорит А. Д. Кантемир (сатира А. Д. Кантемира «о воспитании») // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/s-kem-sporit-a-d-kantemir-satira-a-d-kantemira-o-vozpitanii>
6. Лойко О. Т., Дрыга С. В., Соболевская В. В. Кантемиры: современность памяти // Ценности и смыслы. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kantemiry-sovremennost-ramyati>
7. Маслин Михаил Александрович Ломоносов и русское Просвещение: к 300-летию со дня рождения основателя Московского университета // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2011. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lomonosov-i-russkoe-prosveshchenie-k-300-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-osnovatelya-moskovskogo-universiteta>

УДК 82.0

ТИП МАТЕРИ В ПОВЕСТИ С.АЛЕКСИЕВИЧ «ЦИНКОВЫЕ МАЛЬЧИКИ»

Матвеева Светлана Александровна
msveta2512@gmail.com

Студент 4 курса ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
Научный руководитель – М. Канафина

Афганская война 1979-1989 гг. стала войной «необъявленной», «странной», она замалчивалась государством, её причины и цели были непонятными для людей, а участникам

боевых действий приходилось воевать не только с моджахедами, но и с мирными жителями, а после, в мирное время, бороться за признание своих прав. Не случайно критик А. Агеев назвал войну в Афганистане «незаживающей раной нашей ближней истории», о которой «сказано так много военно-патриотической неправды и полуправды, оскорбляющей и погибших, и вернувшихся» [1, с. 42], объяснив тем самым тот факт, что тема Афганской войны остается востребованной и актуальной в творчестве как отечественных, так и зарубежных писателей.

Это, прежде всего, произведения А. Проханова (роман «Сон о Кабуле», повесть «Третий тост» и др.), О. Ермакова (роман «Знак зверя», цикл рассказов), А. Дышева (романы «Афганец», «ППЖ: походно-полевая жена»), В. Снегирёва (роман «Рыжий»), И. Черных (роман «Злой ветер афганец»), Ю. Короткова (повесть «Девятая рота»). Авторам удалось запечатлеть афганский сюжет в широком историческом контексте, творчески реализовать уже сложившийся комплекс основополагающих идей, мотивов и образов, характерных для «афганской прозы», осмыслить противоречия войны и ее влияние на последующий ход истории, а главное - представить эпоху через судьбы и характеры людей.

Особый интерес представляют произведения, где преобладают критические записи и трагический пафос.

Популярная книга С. Алексиевич «Цинковые мальчики», написанная в «жанре голосов» представляет собой собрание исповедей очевидцев Афганской войны: летчиков, десантников, военных советников, врачей, а также матерей и жён погибших солдат и офицеров, - всё же отражает, прежде всего, позицию самой С. Алексиевич: «Наивным было бы полагать, что в книге всё звучит именно так, как мне рассказали» [2, с. 31]. Большое количество натуралистических сцен она оправдывает тем, что писала свою книгу для советского народа, сознание которого, по ее мнению, «сугубо милитаристское»: «Я анатомирую, чтобы человек ужаснулся самому себе» [2, с. 33].

В произведении поставлены острые проблемы: трансформация человеческого сознания под воздействием военной реальности, равнодушие общества к положению вернувшихся «афганцев», изменение идеологической трактовки войны, афганский синдром, проявляющийся в желании вернуться назад, в военное прошлое, которое воспринимается как лучшее время жизни. В то же время книга представляет собой, по выражению И. Сухих, «поле боли». Авторские акценты расставлены в ней таким образом, что война в Афганистане характеризуется однозначно как «ошибка», а ее участники воспринимаются «душевнобольными, насильниками и наркоманами» [3, с. 187].

Не случайно книга «Цинковые мальчики», по замечанию Р. Брейтвейта, породила «бурю критики», стала поводом для судебного разбирательства. Подобная реакция, на наш взгляд, была вызвана тем, что пацифистская позиция помешала С. Алексиевич дать полновесную оценку произошедшему, тем более что официальное отношение к Афганской войне в тот период, когда произведение увидело свет, было негативным: на правительственном уровне было объявлено о том, что решение о вторжении в Афганистан «заслуживает морального и политического осуждения». В то же время скандал вокруг «Цинковых мальчиков» обозначил проблему необходимости объективного, максимально правдивого и всестороннего изображения Афганской войны, глубокого осмысления этого события с учетом всех факторов.

Герои «Цинковых мальчиков» - это обычные люди, все они участники никому не нужной войны, которая сломала и искалечила, не только физически (многие из военных вернулись калеками), но и психически. Часто рассказы солдат о войне, их беспощадность и жестокость в отношении к жителям Афганистана приводят читателей в оцепенение и ужас.

Несмотря на это, Алексиевич смогла показать их как жертв системы и идеологических мифов. Героев трудно обвинить в жестокости, но трудно удержаться от обвинения в жестокости тех, кто их послал на войну.

При этом главное чувство, которое охватывает героев «Цинковых мальчиков» — это ощущение обмана. Люди поняли, что все, во что они верили, было иллюзией.

Алексиевич воспроизводит краткие фразы героев, использует сжатые диалоги, чтобы показать отчужденность, одиночество, непонимание остальным миром тех, кто вернулся с войны. «Эта» война не была настоящей — за такую русский человек признает лишь Великую Отечественную войну с Германией. Война в Афганистане была лишь игрой, никому не нужной авантюрой. Те, кто на ней воевал, не служили общему делу, благу Родины.

«Афганских» солдат никто не считает героями, которые погибли на службе:

«Возвращались мы с надеждой, что дома нас ждут с распростертыми объятиями. И вдруг открытие — никому не интересно, что мы пережили. Во дворе стоят знакомые ребята: «А, прибыл? Хорошо, что прибыл». Пошел в школу. Учителя тоже ни о чем не спрашивают. Наш разговор.

Я:— Надо увековечить память тех, кто погиб, выполняя интернациональный долг.

Они:— Это были двоечники, хулиганы. Как мы можем повесить на школу мемориальную табличку в их честь?

В институте старый преподаватель убеждал:

— Вы стали жертвой политической ошибки... Вас сделали соучастниками преступления

А я не хочу быть жертвой политической ошибки. И я буду за это драться! Пусть свет перевернется, но это не перевернется: герои в земле лежат. Герои! [4, с. 102].

Концепт жертвы, обманутого человека, появляется многократно на протяжении всей книги.

Книга полна ярких эмоционально насыщенных образов — богатая природа, и на ее фоне страдающие животные, изуродованные, перепуганные дети, которые напоминают ненастоящих детей, а куклы — это самые невинные жертвы этого конфликта. Автор подчеркивает, что Афганистан был для русских чужой землей, а война — состоянием чуждым для человека. Явления природы, время, законы, там становились чуждыми, странными, даже опасными.

«Там ночь не наступает, а падает на тебя. Вот был день, и уже — ночь. Вот ты был мальчик, и уже — мужчина. Это делает война. Там падает дождь, ты его видишь, но до земли он не долетает.

Иногда мне самому хочется написать все, что видел. В госпитале. Безрукий, а у него на кровати сидит безногий и пишет письмо матери. Маленькая девочка... Она взяла у советского солдата конфетку. Утром ей отрубили обе руки» [4, с. 103].

Важное место в повести занимают образы матерей. Неслучайно один из рассказчиков, бывший солдат, назвал афганскую войну «войной матерей»: «Чья это была война? Война матерей, они сражались. Они ухаживали, молились за наши души. Однако пострадал не весь народ. Народ не знает...».

Мотив утраты идеала в романе С. Алексиевич в первую очередь основан на текстах, рассказанных «голосами» женщин-матерей. Мы можем выделить различные вариации модели в описанном жизненном опыте, эмоциональных переживаниях, ассоциациях, чувствах, морально-психологических характеристиках, связанных с жизнью до и после войны следующим образом: счастливая мать, мать-страдалица, мать-пророчица, мать-спасительница, мать-хранительница и т.д.

В прологе книги описывается впечатляющая история о страдающей матери, чей сын, ветеран войны в Афганистане, совершил убийство после возвращения в Советский Союз. Автор описывает биографию страдающих матерей с образа этой матери, ее образ предстает одновременно близким и в то же время противопоставленным другим. Трагедия, произошедшая в семье женщины, отражает разрушительное воздействие войны на психическое состояние человека, последствия которой провоцируют моральную деградацию и в то же время позволяют писательнице раскрыть особую суть образа матери.

Бинарная оппозиция «сын — убийца» не вписывается в разум женщины, которая не учила своего ребенка убивать. Антитеза образа сына до и после войны звучит наиболее трагично в исповеди этой матери.

Молодой человек, увлекавшийся бальными танцами, научился убивать во время войны, а после этого применил это умение в мирной жизни.

С. Алексиевич глубоко раскрыла психологию матери через детали: ее кухонный топорик - орудие убийства, собачий лай - ассоциация с тюрьмой, где находился сын, сон, предвещавший разлуку, пение ночных птиц как символ разлуки. Мотив идеала – гордости матери за своего ребенка сменяется мотивом матери, стыдящейся своего сына-убийцы. Драма этой страдающей матери усиливается трагическим разрывом между ее желанием отправить сына в армию, ее мечтами увидеть его повзрослевшим и жестокой реальностью, в которой она в итоге не узнала собственного ребенка: «Мне вернули другого человека... Это был не мой сын». Горе женщины приобретает иной оттенок, чем страдания матерей, потерявших своих сыновей на войне. Она страдает от моральной смерти ее сына. Неспособность смириться с ужасным преступлением самого дорогого человека и реакцией на этот поступок общества, желание убрать сына-убийцу с ее собственной жилплощади заставляет ее даже ревновать к тем матерям, чьи дети погибли. Женщина желает себе «счастья», которое является тяжелым горем для других: посидеть возле могилы сына, отнести цветы на кладбище.

В последующих материнских признаниях, которые вызывают самые сильные чувства, вспоминается довоенное прошлое или прошлое, не связанное с мыслями о неминуемой войне, смертельной опасности, которая ожидает их детей. Образ счастливой матери всплывает из воспоминаний. Часто признания матерей в «Цинковых мальчиках» начинаются с упоминаний о факте рождения сына для счастливой жизни, которая, к сожалению, рано закончилась. Женщины помнят мельчайшие детали, связанные с детством и отрочеством их сыновей, их первыми достижениями, успехами (мотив счастливого материнства), неоднократно подчеркивают нежность темперамента, неподготовленность к жестокой войне их детей, будущих солдат, один из которых, например, с детства боялся паука, второй любил танцевать и собирать марки, третий – хрупкий мальчик – играл с девочками. Тяжело было матерям, которые сами олицетворяли мир, милосердие и великую любовь, которые знали, что их дети - домашние и ласковые, что они неспособны убивать: «Он был не за войну. Мы его очень любили, лелеяли его».

Образ страдающей матери-одиночки, которая без мужской поддержки жертвует своей личной жизнью, растит сына и теряет его в Афганистане, является наиболее драматичным. Мотив боли усматривается в одной из исповедей матерей-одиночек – в обращении к погибшему сыну: «Ты мое солнце!», в котором подчеркивается великая материнская жертвенная любовь и нежность, надежда на ребенка как опору в жизни и одиночество женщины, для которой единственный сын был центром Вселенной и его потеря сделала ее жизнь бессмысленной.

Мотив материнского эгоизма, собственнического отношения к ребенку в некоторых историях матерей-одиночек стал выражением амбивалентности, психического состояния раздвоенности: «Наверное, потому, что мы любили друг друга так сильно, что у нас больше никого не было. Я не знаю, как бы я отдала его жене. Я бы этого не пережила...». Сосуществование противоположных чувств, в данном случае материнской жертвенности и эгоизма, воспринимается в этом повествовании как поиск женщиной душевного равновесия в размышлениях о вероятном, но уже невозможном будущем.

Еще один мотив, символизирующий мотив утраты идеала, просматривается в окаменении души матери, в ее отчуждении от общества, неспособности глубоко осмыслить личную трагедию - присутствует в исповеди женщины, потерявшей на войне свою единственную дочь-медсестру: «Моя душа закрыта... Я не хочу видеть людей. Я предпочитаю быть одна» [4, с. 124].

Вмешательство властей в похоронные обряды, невозможность матерей в последний раз увидеть детей, тела которых вернулись домой в цинковых гробах, усугубили психологическую травму: «Я не смогла поцеловать его в последний раз. Погладить его по волосам. Я даже не видела, во что он был одет». Цинковые гробы и неразглашение военных подробностей о гибели солдат вызвала отчуждение, самообман, надежду на ошибку в сообщении о смерти

сына/дочери и дальнейшие душевные муки страдающих женщин, напрасно ожидающих возвращения детей: «Мне кажется, что я закопала железный ящик, а мой сын где-то жив...». Писательница зафиксировала страдания матерей после похорон детей. Им комфортно возле могил, где они общаются с детьми, как если бы те были живыми. Чьи-то душевные раны залечила любовь к приемному ребенку, похожему на его собственного. Благодаря этой любви женщина вернула себе утраченное счастливое материнство и защитила его от возможных посягательств: «Мы вернули себе нашего сына... Вы меня понимаете? Но я поклялась и заставила своего мужа поклясться, что он никогда не станет солдатом... Никогда!!» [4, с. 131].

Женщинам в произведении С. Алексиевич свойственны противоречивость, самодостаточность и внутренняя сила, обусловленные трудным жизненным опытом.

Мир, который Алексиевич описывает в произведении – это мир утраты идеала, в котором реальность полностью изменилась на противоположность. То, что ценилось раньше, то, чему доверяли, исчезло.

С. Алексиевич через призму восприятия главных образов: солдат, их жен и матерей представила войну, которая стерла привычные жизненные идеалы, определив жизнь на «до» и «после» - когда были утрачены привычные стереотипы, когда мотив войны стал мотивом утраты привычных человеческих идеалов. Трофеем войны стали не только утраченные идеалы, но и такие ужасные ее «трофеи», как то: искалеченная психика солдат, принимавших в ней участие, эмоциональная боль матерей и жен из-за потери любимого человека, абсурдность войны как факта. Это объясняется, прежде всего, тем, что участие в советско-афганском военном конфликте было вынужденным.

Как впоследствии оказалось, участники этой войны сами стали жертвами великой системы. Сейчас никто не виновен, никто не ответил за смерть русских солдат, не берет ответственности за инвалидов, сирот, вдов.

После войны, уже на родине, бывшим солдатам пришлось столкнуться с жестокой действительностью, где никто не принимал их за героев. Автор приводит прямые слова участников событий афганской войны, использует диалоги, прямую речь. Не добавляет своих комментариев — они лишние, весь смысл уже передан в кратких фразах, предложениях. Эта краткость, сжатость еще усиливают эффект «отчуждения», разделения людей на «хороших граждан» и солдат афганской войны, у которых нет никаких прав.

Патриотическая риторика, сопровождавшая афганскую войну, имела целью убедить в «правильности» действий в Афганистане, в важности выполнения интернационального долга. Пропаганда в очередной раз сработала, утверждает свою мысль Алексиевич. При этом молчанием обходили главное — правду об убитых, раненых и сошедших с ума. Алексиевич не побоялась коснуться «неудобной» темы, описывает все подробно, честно и резко. Одновременно автор не осуждает героев, не в состоянии осудить их и читатель.

Список использованных источников

1. Агеев А. Бесконечное возвращение // Литературное обозрение. 1991. № 10. С. 42.
2. Алексиевич, С. А Цинковые мальчики. – М.: Время, 2022. – 320с. – 7-е изд. (Собрание произведений)
3. Сухих, И. Н. "Время..." Алексиевич: что и как / И. Н. Сухих // Новый мир. – 2021. – № 1. – С. 182-198.
4. Алексиевич, С. А Цинковые мальчики. – М.: Время, 2022. – 320с. – 7-е изд. (Собрание произведений)

УДК 82.0

ОТ ГЕРОЕВ ПОНЕВОЛЕ ДО ТРИКСТЕРОВ: РАСКРЫТИЕ РАЗНООБРАЗИЯ ГЕРОИЧЕСКИХ АРХЕТИПОВ

Мельнова Катерина Васильевна
melkatharinanova@gmail.com